

шевский не счел возможным рассказ о «рати Кремянецькой» присоединить к «Повести»: операция эта вступила бы в противоречие с его же собственным утверждением, по которому летопись Данила Галицкого заканчивалась позже — обрывалась рассказом о событиях 1255 г. (эпилогом австрийской кампании Данила).

Лишено достаточных оснований и утверждение М. С. Грушевского, что непосредственным продолжением «Повести о Куремсе и Бурандае» явилась специальная Повесть о событиях в Литве после смерти Миндовга.

«Единство темы», в данном случае «литовской», и здесь для М. С. Грушевского имеет решающее значение. Текст, однако, свидетельствует, что «единство» это осуществляется далеко не последовательно. Повесть перебита известиями, не имеющими отношения к Литве: о «снеме» русских князей с польским королем в Тернаве (стр. 567), о «свадбе» у Романа Брянского в 1263 г. (стр. 569), о смерти Данила Галицкого в 1264 г. (стр. 570), о появлении кометы в том же году, о смерти княгини Елены, о «мятеже» у татар (стр. 570).

Не убеждает и другой довод М. С. Грушевского. Отдельные эпизоды Повести (убийство Миндовга, убийство Тройната и др.), утверждает он, обрамлены стилистическими формулами, свойственными только этой Повести: «Убийство же его сице скажемъ» (стр. 567), «И тако бысть конецъ Миндовгову убитью» (стр. 568), «И тако бысть конецъ убитья Тренятина» (стр. 569). В последний раз в тексте Волынской летописи одна из этих формул встречается, по словам М. С. Грушевского, в финале рассказа об убийстве Войшелка: «И такъ бысть конецъ убитья его» (стр. 573). Это последнее обстоятельство и дает М. С. Грушевскому основание считать, что предполагаемая им Повесть именно здесь, рассказом об убийстве Войшелка, и заканчивалась⁷ и что следующие за ним сообщения — о смерти Шварна Даниловича и о начале княжения в Литве Тройдена — принадлежат другому автору. В действительности формулы эти в тексте Волынской летописи встречаются не раз, и выше Повести и много ниже: «И тако бысть конецъ Судомирьскому взятю», — читаем в конце рассказа о взятии татарам Сандомира (стр. 565); «Убийство же ею сице скажемъ», — читаем в начале рассказа о смерти на поле брани «прусына» и Раха (стр. 584). Те же формулы обрамляют и повествование о смерти князя Владимира Васильковича: «Болезнь же его сице скажемъ», — читаем в начале повествования (стр. 601) и в конце: «Тутю же положим конецъ Володимерову княжению» (стр. 610). Указанные формулы, как видим, отнюдь не являются принадлежностью только автора Повести и не дают оснований рассказ об убийстве Войшелка отрывать от тесно связанного с ним по содержанию рассказа о смерти Шварна и о начале княжения в Литве Тройдена.

«Повесть о Куремсе и Бурандае» была составлена, полагал М. С. Грушевский, в Холме. Там же, по его мнению, была составлена и Повесть о литовских событиях после смерти Миндовга. Последняя в стилистическом отношении ничем существенным от первой не отличается. Не отрицая этого факта, М. С. Грушевский, тем не менее, не считал возможным приписать ее тому же автору, который написал «Повесть о Куремсе и Бурандае», на том основании, что автор Повести о литовских событиях, целиком занятый литовскими делами, в отличие от своего предшественника, не обнаруживает какого-либо интереса к татарам. Не говоря уже о том, что здесь эта ссыла М. С. Грушевского на отсутствие интереса к татарам сама по себе явно недостаточна, она и неверна: автор Повести не так уж безразли-

⁷ «...спрятавшє тело его и положиша во цєркви святаго Михаїла Великаго» (стр. 573).